

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

№ 3 (7) • 2009

ISSN 1997–2857

Научный журнал

Свидетельство
ПИ № ФС 77–32359
от 09.06.2008

Учредители:

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(ДВПИ ИМ. В.В.КУЙБЫШЕВА)
(Г. ВЛАДИВОСТОК)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ
(Г. БИРОБИДЖАН)

БУРЯТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(Г. УЛАН-УДЭ)

Главный редактор

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ,
д-р филол. наук, проф.,
действительный член
Академии наук,
член международного
Общества Достоевского,
Заслуженный работник
высшей школы
Российской Федерации

Журнал основан
в 2008 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- 5 *Е.В. Толстогузова*. Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра
11 *С.М. Шаулов*. Всемирный семиозис Якоба Бёме и основания эстетики барокко
15 *Д.В. Спиридонов*. Х.Л. Борхес, У. Эко и две модели повествования (к вопросу о генезисе «нелинейного письма» в европейской литературе)
22 *А.А. Сапелкин*. Поэты миланской скапильятуры
28 *Т.Ю. Боровкова*. Тема природы в лирике Эмили Дикинсон и идеи трансцендентализма (к вопросу о литературно-философском влиянии)
33 *М.Ю. Каменева*. Молчание и слово в эстетической концепции Л.Н. Толстого (роман-эпопея «Война и мир»)
40 *М.С. Рыбина*. Трансформация нарративных элементов в стихотворениях в прозе А. Бертрама и И.С.Тургенева
46 *Е.Л. Пивоварова*. Название как один из жанроформирующих факторов цикла рассказов (С. Моэм «Трепет листа: маленькие истории островов Южного моря»)
49 *П.Н. Толстогузов*. Аллегорический подтекст в пейзажной миниатюре Тютчева «Успокоение» («Гроза прошла – еще курясь, лежал...»)
52 *М.Р. Тарасова*. Иван Ильин о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. Гоголя
56 *С.С. Шаулов*. Об одной незамеченной автоцитате Ф.М. Достоевского («Роман в девяти письмах» и «Преступление и наказание»)

Культурология. Этнография

- 58 *И.В. Андреева*. Русские и американцы: отношение к работе, достижениям, успеху
65 *О.А. Лычковская*. Формы ангажированности художника
70 *С.Ю. Пронина*. История и культура корейской кухни (с древнейших времен до эпохи корё)

Публикации

- 74 *А.А. Илюшин*. Две поэмы Ю.Ф. Сидорина («Michele Trivolis – Максим Грек» и «Добрый вампир»)

Дискуссии

- 86 Курс истории литературы в идеальном мире (стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение»).
Подготовили Б.В. Орехов, П.Н. Толстогузов

Книги

- 103 Каллер Дж. Теория литературы: Краткое введение. *Б.В. ОРЕХОВ*

Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение. М.: Астрель: АСТ, 2006. – 158 с. ISBN 5-17-035360-X. – ISBN 5-271-13434-2.

Небольшая (160 страниц, из которых 10 – примечания и указатель) книжка Джонатана Каллера издана в карманном формате, что в сочетании с заглавием должно производить на отечественного читателя несколько странное впечатление. И советские, и постсоветские книги с подобным названием традиционно объемнее [4–6, 9, 10], а порой и вовсе многотомны [2, 8]. Разумеется, это специфика отечественной науки: зарубежные издания, даже вводного характера, также не отличаются краткостью (например, [11, 12]), тем не менее подозрения в принадлежности книги к легкому жанру призвана развеять набранная на обложке едва ли не большим, чем заглавие, шрифтом надпись «OXFORD» (в оригинальном английском издании она занимает довольно скромное место). Марка признанного научного издательства поневоле заставляет отнестись к труду серьезно, а инокультурная принадлежность автора – с любопытством.

Предисловие открывает перед нами весьма амбициозную задачу. Автор не просто пишет краткий курс теории литературы, но решается говорить о некоторой современной «теории» вообще, отвлекаясь от конкретных имен и школ. Оставив за скобками интересные только специалистам теоретические споры, Каллер мог бы предложить читателю инструментарий для ненаивного знакомства с литературным текстом, и в этом смысле книга, совершенно независимо от объема, приобрела бы исключительную ценность. Однако, забегаая вперед, приходится констатировать, что исполнение задачи удалось автору не вполне. Как сказал бы об этом Веселовский, «такова литература предмета: исканий больше, чем аксиом» [3, с. 54].

Проблемы начинаются уже с первой главы, в которой автор описывает, что он понимает под «теорией». Вообще, во вполне академическом духе, Каллер, насколько это возможно с такими абстрактными величинами, пытается объяснить оба называющих книжку слова (тут можно вспомнить хотя бы С. Аверинцева: «В заглавие книги входят три слова. Но слова, как мы знаем, многозначны, и даже объем значения терминов способен колебаться. Поэтому долг автора – дать читателю возможно более точный отчет, в каком именно смысле употреблено каждое слово» [1, с. 3]), и как раз благодаря этому яснее становится малопреодолимая пропасть между тем, что считается теорией «у нас» и «у них». Например, на с. 10 искомое слово определяется как «нечто, изменяющее взгляды людей, заставляющее их по-новому осмысливать предметы своего изучения и свою деятельность по их исследованию». Если на минуту забыть, какой термин тут имеется в виду и попытаться подобрать к приведенному значению подходящее слово из русского словаря, то результатом такого эксперимента будет, может быть, «сомнение»

или даже «психическое воздействие», но вот «теория» в числе первых кандидатов маловероятна. Д. Херман тоже отмечает, что каллеровская «теория» по функции больше напоминает «мифологию» в понимании Р. Барта [13, р. 159]. Кроме того, автор последовательно противопоставляет свою «теорию» и «здоровый смысл» (в оригинале «common sense»), в котором видит некоторый комплекс некритично принимаемых стереотипов. Тут, видимо, тоже приходится говорить о своего рода «трудностях перевода», потому что в отечественной традиции здоровый смысл – это, скорее, критерий разумности теории, ее права на существование, за которым стоят уж во всяком случае не стереотипы. Словом, обращаясь к книге, нужно помнить, что «теория литературы» в исполнении Дж. Каллера – это не привычная нам теория отечественного филфака, в той или иной степени наследующая советский угол зрения на предмет, а нечто кардинально иное, проистекающее из чуждой традиции и системы координат.

Однако есть в книге и то, что мы привыкли ассоциировать именно с теоретической стезей исследовательской работы. О. Проскурин однажды [7] остроумно заметил, что «теоретиком» В.Э. Вацура помешали стать «изумительная эрудиция, интимное знание истории русской культуры, острое видение конкретного и единичного, исключительная интеллектуальная честность». То есть теоретики по самой своей сути вынуждены часто отвлекаться от материала, строя свои замки на песке далеких от истинного состояния дел обобщений. Вот и Каллер несколько раз оступается, искажая или недопустимо для историка упрощая существующее положение вещей. Так, на с. 46 говорится, что «Платон считал необходимым изгнание поэтов из идеального государства, так как они могут причинить лишь вред». Однако сам Платон в X книге «Государства» пишет, что изгнать следует вовсе не всех поэтов, а только тех, чьи тексты порочат богов, в неприглядном свете выставляют добродетели. Против религиозной и проходящей нравственный ценз поэзии философ ничего не имеет. Страница 27 представляет две с половиной тысячи лет истории изучения словесности до 1850 года так, будто все это время «от студентов не требовалось разбирать литературные тексты, раскрывая “о чем” они. Напротив, учащиеся заучивали их наизусть, изучали их грамматику, использованную аргументацию, определяли риторические приемы». В таком виде утверждение автора тоже не вполне корректно. Как минимум, античные риторические школы (разве риторический анализ не «разбор» текста?) делали акцент и на содержании произведений, хотя бы потому, что в них искали образцы поведения (см. речь Цицерона в защиту Архия).

Итак, Каллер пытается написать теорию литературы «без имен», т.е. дать описание теории, отвлекаясь от школ и исследователей. Возможно ли такое описание теории литературы, в котором каждое положение будет осознаваться не как часть конкретной исследо-

вательской парадигмы, а как часть теории «вообще»? Возможно. Но для этого потребуется смонтировать свою собственную теорию, предварительно разъяв существующие. На такой шаг Каллер все же не решается. И имена «теоретиков литературы» то тут, то там предательски появляются на страницах книги: Якобсон, Барт, Иглтон, Шоултер... Да и чтобы показать сущность теории, автор не обходится без приведения двух примеров – в чем-то сходных, в чем-то различных двух «теорий литературы», каждая из которых закреплена за именем создателя – Фуко и Деррида. Ну и, наконец, симптоматично завершающее книгу приложение, в котором представлены «теоретические школы и направления», – можно сказать, что эти последние страницы поучительно рифмуются с открывающей книгу, но так и оставшейся невоплощенной идеей «литературоведения без имен».

Отдельно необходимо сказать о языке, которым написано краткое введение в теорию литературы. Эта форма репрезентации научной мысли также будет непривычна отечественному читателю. Порой фривольность речи доходит до совсем неакадемических, но при этом живых интонаций непринужденного разговора с читателем: «ненавидят теорию и боятся ее», «принцип с угрожающим названием», «неслышанно обогатилась». По эту сторону языкового барьера, пожалуй, только А.Ф. Лосев решается на такую же откровенность, когда пишет в «Истории античной эстетики»: «М.Э. Поснов буквально подавлен и раздавлен сотнями больших и малых фактов филологического и философского содержания, так что при чтении его работы прямо начинает болеть голова». По-видимому, этиологию такого стиля следует видеть еще и в том, что книга Каллера вырастает из лекционного курса.

Несмотря на внимание к русским именам как писателей (Достоевский), так и ученых (конечно, прежде всего, формалистов и структуралистов), отечественной традиции «Теория литературы» Дж. Каллера в значительной степени чужда. Имеющиеся в тексте этой рецензии ссылки на Аверинцева и Веселовского, скорее,

призваны оттенить эту инаковость. Разумеется, в этом не приходится видеть ни достоинства, ни упущения, ибо отраженная в каллеровской книге западная «теория литературы» оказывается столь же бесполезной для историко-литературного анализа, сколь и русская, но об этом расхождении нужно помнить, беря книгу в руки, чтобы не испытать весьма вероятного при чтении когнитивного диссонанса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. Бройтман С., Тamarченко Н., Тюпа В. Теория литературы: в 2 т. М., 2008.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004. 648 с.
4. Волков И.Ф. Теория литературы. М.: Просвещение: Владос, 1995. 256 с.
5. Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы. М.: Логос, 2003. 229 с.
6. Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1978. 350 с.
7. Проскурин О. Две модели литературной эволюции: Ю.Н. Тынянов и В.Э. Вацура // Новое лит. обозрение. 2000. № 42. С. 63-77.
8. Теория литературы. М.: Наука. Т. 1–3, М., 1962, 1964, 1965.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М; Л.: Гос. изд-во, 1931. 232 с.
10. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 398 с.
11. Bertens J. W. Literary Theory: The Basics. L; N. Y.: Routledge, 2001. 256 p.
12. Eagleton T. Literary theory: an introduction. Univ. of Minnesota Press, 1996. 234 p.
13. Herman D. [Rev.:] Literary theory: A very short introduction // SubStance. 1999. Vol. 28, N 2. P. 159-162.

Б. В. ОРЕХОВ

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа

E-mail: nevmenandr@gmail.com